



ISBN 9785869836694



9 785869 836694

Заповедная природа Санкт-Петербурга

Заповедная природа *Санкт-Петербурга*



Комитет по природопользованию, охране окружающей среды
и обеспечению экологической безопасности

ГКУ «Дирекция особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга»

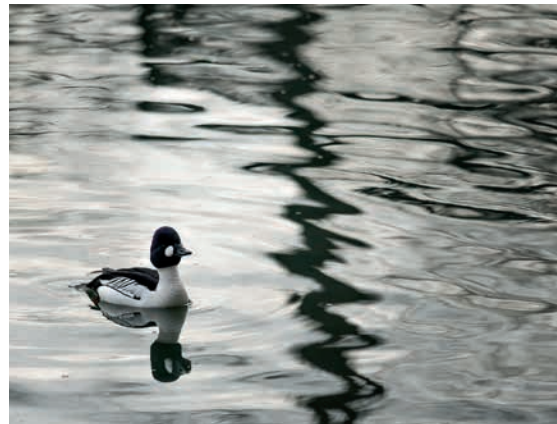
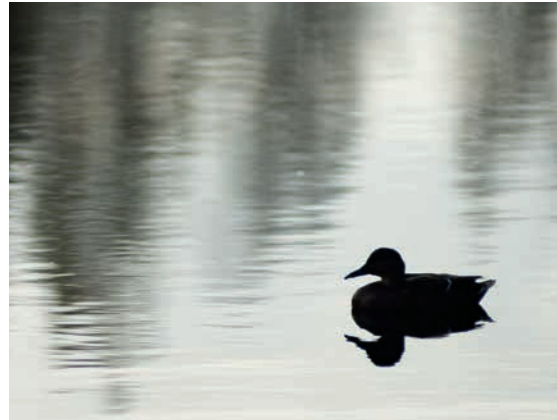
Заповедная природа Санкт-Петербурга



Санкт-Петербург
2015



Содержание



Государственный природный заказник «Северное побережье Невской губы».....	6
Государственный природный заказник «Озеро Щучье»	38
Государственный природный заказник «Сестрорецкое болото».....	78
Памятник природы «Петровский пруд»	114
Памятник природы «Елагин остров»	138
Государственный природный заказник «Западный Котлин»	172





ВСТУПЛЕНИЕ

Для большинства петербуржцев город — это, прежде всего, проспекты и улицы, имперский фасад исторического центра и храмы в стиле барокко, регулярные линии парков и роскошь музеев, муравейники спальных районов и торговых центров. Природа, тем более дикая, плохо ассоциируется с мегаполисом. Однако жители северной столицы могут быть счастливы тем, что именно их город с заповедной природой очень дружен. Об этом говорит и сама книга, которую вы держите в руках, — второй том фотолетописи о заповедной природе Санкт-Петербурга. Наряду с городской застройкой и промышленными зонами территория города включает в себя уникальные природные комплексы, единственные в своем роде, поскольку они расположены непосредственно в пределах городской черты. С одной стороны, Петербург — ярчайший пример преобразовательной деятельности человека: здесь насыпаны сотни гектаров искусственных территорий, перегорожено дамбой огромное пространство Финского залива, изменен его естественный природный режим, прорыты каналы, и запружены реки. Но, вместе с тем, здесь всего за полчаса езды от центра можно попасть на тетеревиный ток, наблюдать многотысячные миграции водоплавающих птиц, отыскать десятки редких видов растений, наблюдать спящих на камнях тюленей. Петербуржцы имеют возможность, вдыхая чистый морозный воздух, радоваться строгой красоте зимнего векового ельника в заказнике «Озеро Щучье»; весной восхищаться белоснежными полянами ветреницы дубравной

на северном побережье Невской губы и слушать соловьиный хор на Елагином острове; летом радоваться солнечным дням на песчаных пляжах «Западного Котлина»; осенью бродить, высматривая грибы, по сосновым грядам на Сестрорецком болоте.

Но в чем состоит такая притягательность заповедной природы для жителей мегаполиса, обычно и так окруженных максимумом комфорта? Здесь можно отвлечься от суматохи повседневных дел, проникнуться радостью общения с первозданной природой, а не с той искусственной средой, которую создали люди. Почувствовать себя, наконец, человеком, частью мироздания, а не придатком гигантского городского механизма. Вне городской суеты мы задумываемся о природных ритмах, мало подвластных течению времени. На берегу Финского залива осознаем, что эти волны разбивались о валуны еще в доледниковую эпоху, миграционные пути птиц пролегали здесь в течение тысяч лет, облака плыли по небу так же, как и во времена появления первых людей на берегах Невы. Слаженность природных процессов поражает своей гармонией, красотой, целесообразностью и дает почувствовать взаимосвязь составляющих их элементов. Нарушишь одно из звеньев этой цепи — и расстроится все целое. Осознание этой закономерности устройства дикой природы тоже черпается из ее вдумчивого созерцания. А из этого знания вырастает и мысль о зависимости человека от природы, приходит понимание необходимости ее сохранения в том первозданном виде, в каком мы ее получили.

Государственный природный заказник
«Северное побережье
Невской губы»



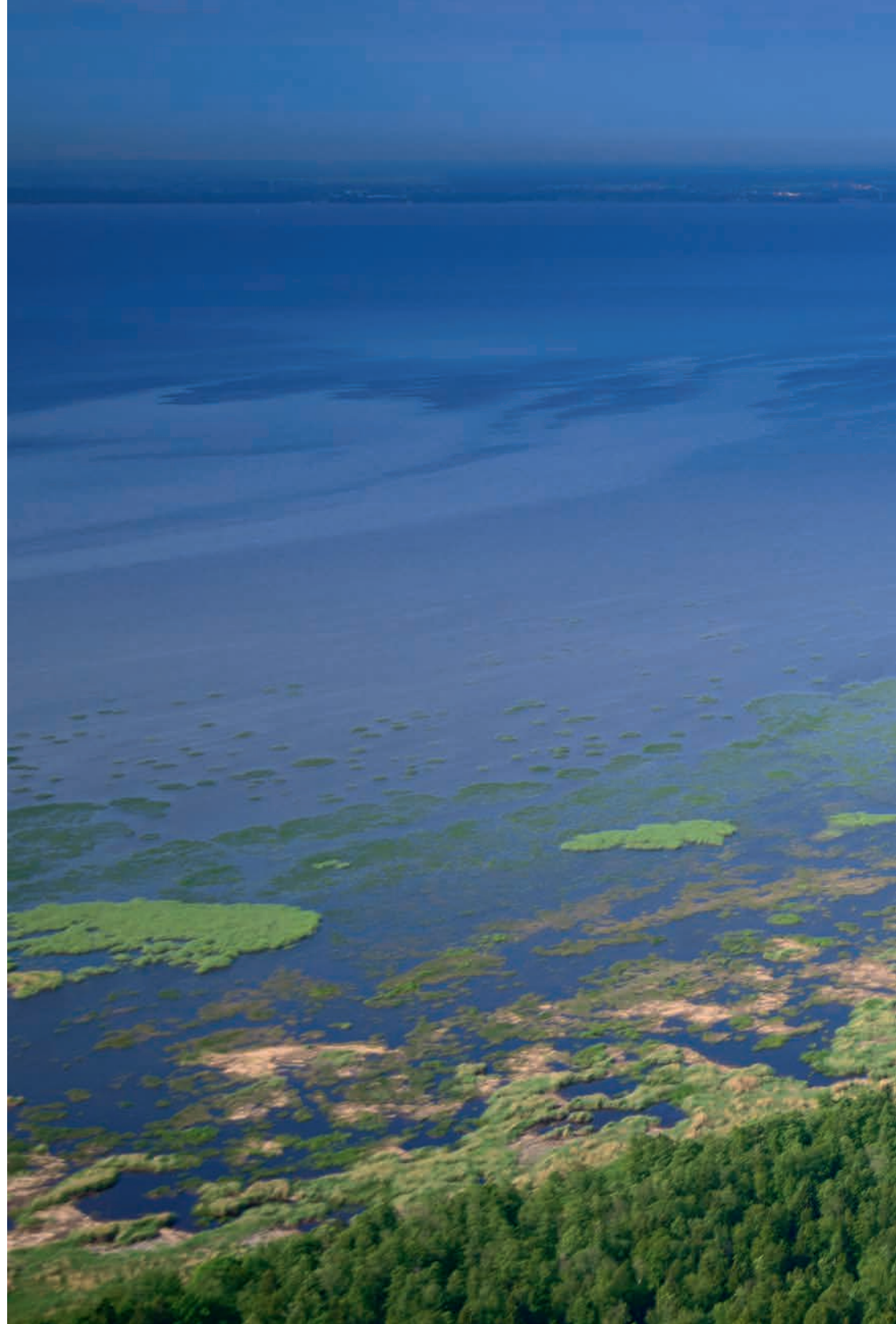
Пронсясь по Приморскому шоссе, водители автомобилей вряд ли отдадут себе отчет в том, что едут по дну древнего Литоринового моря — предшественника современного нам Балтийского. Когда-то здесь была его лагуна, и пологие гряды, протянувшиеся параллельно шоссе, — следы его береговых валов.

Приморское шоссе лежит сейчас на пути, по которому Петр I ездил в Сестрорецк, на основанный им оружейный завод, и далее морем в Кронштадт, на строящиеся форты. Тогда этот путь занимал не полчаса, как сегодня, а несколько дней — надо было добраться до Лисьего Носа, где пересечь на баркас или вельбот до острова Котлин. Для отдыха в дороге Петр велел построить несколько «путевых дворцов» и разбить при них парки. Эти дворцы с парками назывались «Дубками»: Ближние — в Лахте, Средние — в Лисьем Носу, и Дальние — в Сестрорецке. Названия усадьбам дала примечательная особенность ландшафта — небольшие дубовые роши вдоль берега залива. Впрочем, Петр и сам любил эту породу деревьев и часто окружал свои резиденции посадками молодых дубов. Вполне вероятно, что до нас дошли именно те самые, посаженные самим Петром или при его непосредственном участии, деревья. «Средние Дубки», располагавшиеся на территории современного заказника, после смерти Петра I не использовались и быстро пришли в запустение. Спустя почти три столетия регулярная планировка парка едва угадывается по расположению самых старых деревьев, сохранившихся до нашего времени.

В советское время, с 1938 года, на побережье организуется Северо-Приморский лесопарк. Начинаются осушительные работы в заболоченных понижениях между древними береговыми валами, постепенно формируются смешанные древостои березы, ели и сосны. В годы Великой Отечественной войны пригородные леса, в том числе и Северо-Приморский лесопарк, подвергались беспорядочным рубкам на дрова для блокадного города.

В 1970-е годы от вновь построенной платформы Морская была проложена асфальтированная дорога к берегу залива, появились дорожки для пешеходных и велосипедных прогулок, беседки, скамейки и другие атрибуты «культурного» отдыха на природе. Этот период освоения парка неудачно совпал со строительством комплекса защитных сооружений Ленинграда от наводнений, начатым в 1979 году. Перекрытие северного фарватера Невской губы привело к изменению характера течений, активному зарастанию мелководий, резкому сокращению площади пляжей, ранее привлекавших многочисленных дачников из Лисьего Носа и Ольгино. В результате северное побережье практически утратило свое рекреационное значение.

Но нет худа без добра: зарастание мелководий и снижение популярности парка привело к увеличению численности и видового разнообразия птиц, прежде всего водоплавающих. При простом знакомстве со списком гнездящихся в заказнике птиц поражает устойчивость природы к антропогенной нагрузке: прибрежные леса сохраняют набор видов, свойственных естественным насаждениям. Вальдшнеп, хохлатая синица, крапивник, певчий и черный дрозды — все это птицы, чувствительные к воздействию урбанизации. На акватории Невской губы обычны чомга, кряква, хохлатая чернеть, лысуха, озерная чайка; регулярно гнездятся серая утка и широконоска; в отдельные годы — малая чайка и черная крачка. Благодаря обилию мест, благоприятных для кормежки и отдыха, тысячи водоплавающих и околоводных птиц используют мелководья в качестве мест стоянок во время миграций. На осеннем и весеннем пролете тростниковые плавни буквально «кишат» разными птицами. Нередки стоянки гусей в окрестностях острова Верперлуда: в отдельные дни здесь можно наблюдать скопления сотен особей белолобого гуся и гуменника.









Лиственные леса и зарастающие кустарником бывшие дубовые роши хороши динамичной сменой аспектов. Даже бывая здесь раз в месяц, каждый разходишь в этот лес, как в совершенно незнакомый: вот расцвела и раскинулась белым ковром ветреница дубравная; вот раскрылись чешуйчатые ракушки папоротников — страусника и кочедыжника, скрыв, словно в тропическом лесу, под своими широкими опахалами пробивающийся дубовый подрост; вот наполнился лесной воздух ароматом ландышей, а обочины дорог сплошь покрылись их кожистыми листьями; появились яркие пятна огромных цветов колокольчика широколистного; зацвел шиповник морщинистый, и вот уже совершенно особый колорит дает замысловатая смесь красок и фактур осенней палитры... Да и много чего еще можно здесь наблюдать, ведь именно так перед внимательным взором проходит чередой перемен в природе само Время...















Под сенью старых деревьев невольно задумываешься об ушедших эпохах, мимолетности нашей жизни, быстро текущем времени, да и просто любишь взором, изяществом формы дубового листа и россыпью гладких, твердых желудей.







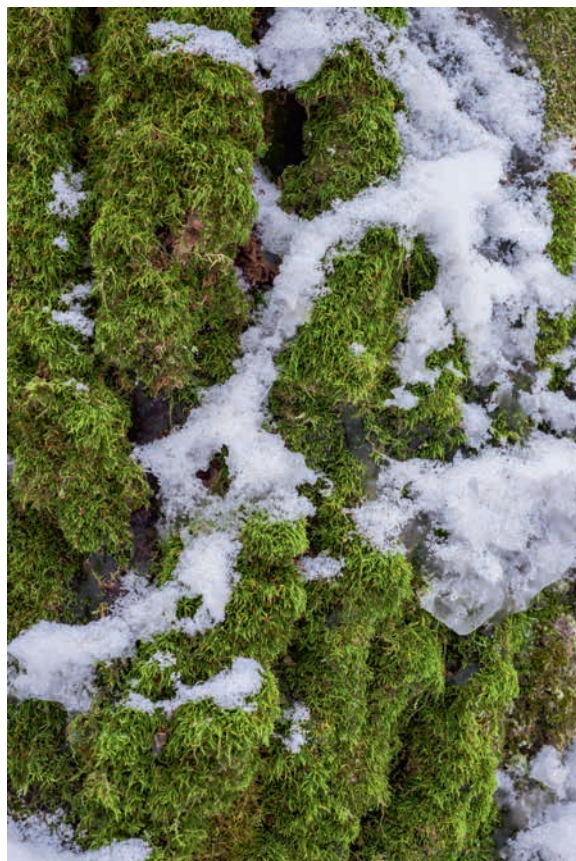
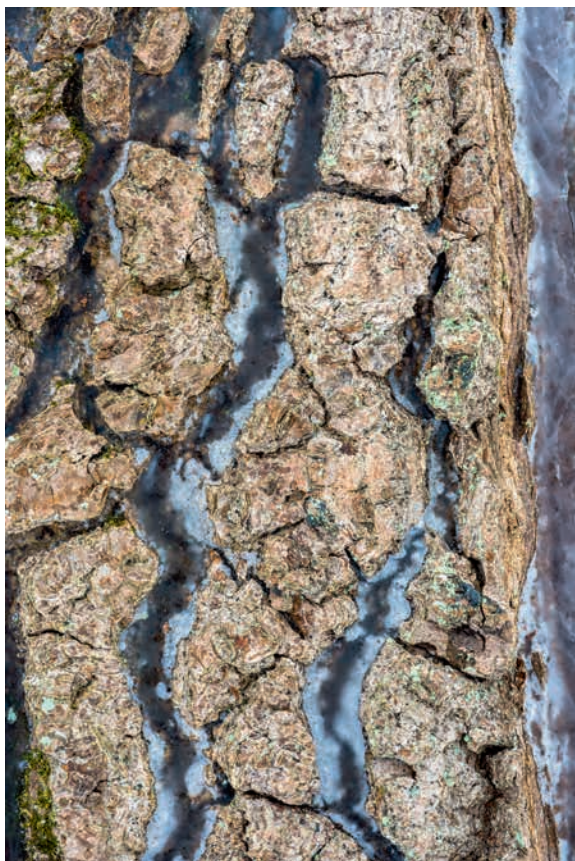


Какое из природных явлений может сравниться по красоте с радугой? Лишь после дождя, когда сквозь толщу туч пробивается солнце, создаются условия для ее появления — такой изменчивой и неуловимой.

*Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.*

*О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.*

Ф. И. Тютчев



Кора вековых деревьев напоминает лица старых людей: какой была их жизнь, сколько они перенесли испытаний, чему были молчаливыми свидетелями? Вокруг каждого такого лесного исполина складывается своя, только ему присущая экосистема. На коре поселяются разные виды мхов и лишайников, ткани дерева становятся прибежищем жуков, которые проделывают в нем замысловатые ходы. Дятлы перемешаются по стволу, простукивая его в поисках личинок, сойки прилетают, чтобы собрать и потом спрятать в опавшей листве желуди. Одно старое дерево — это целый мир...



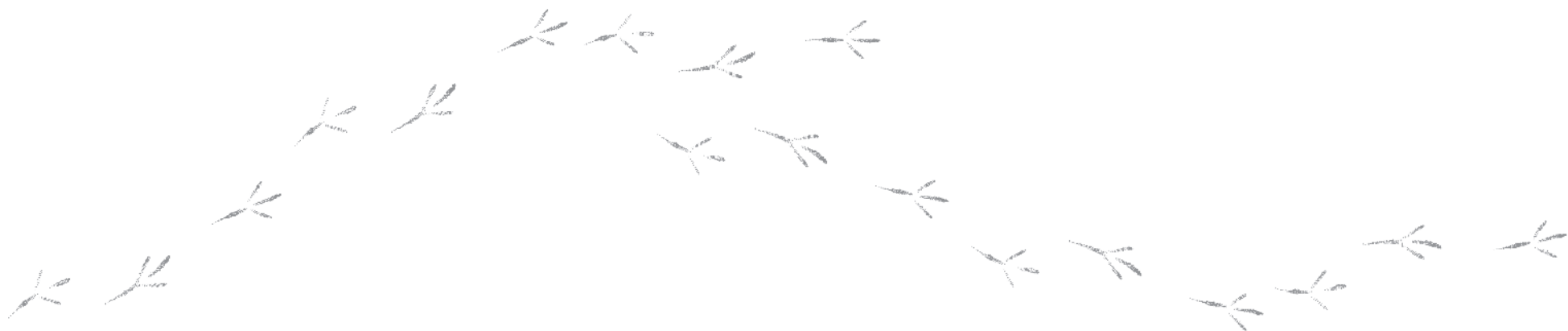


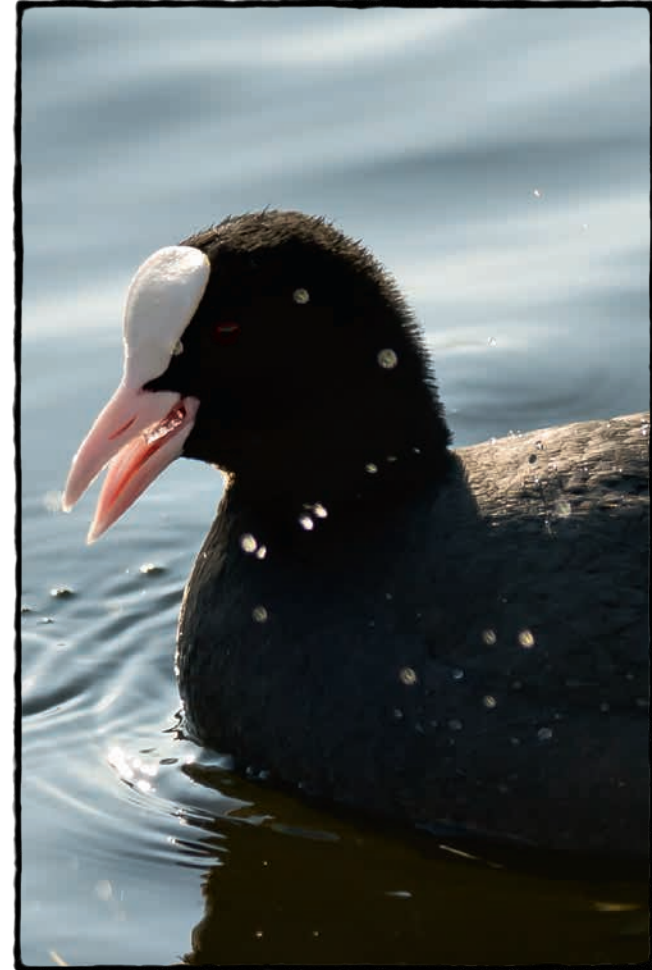
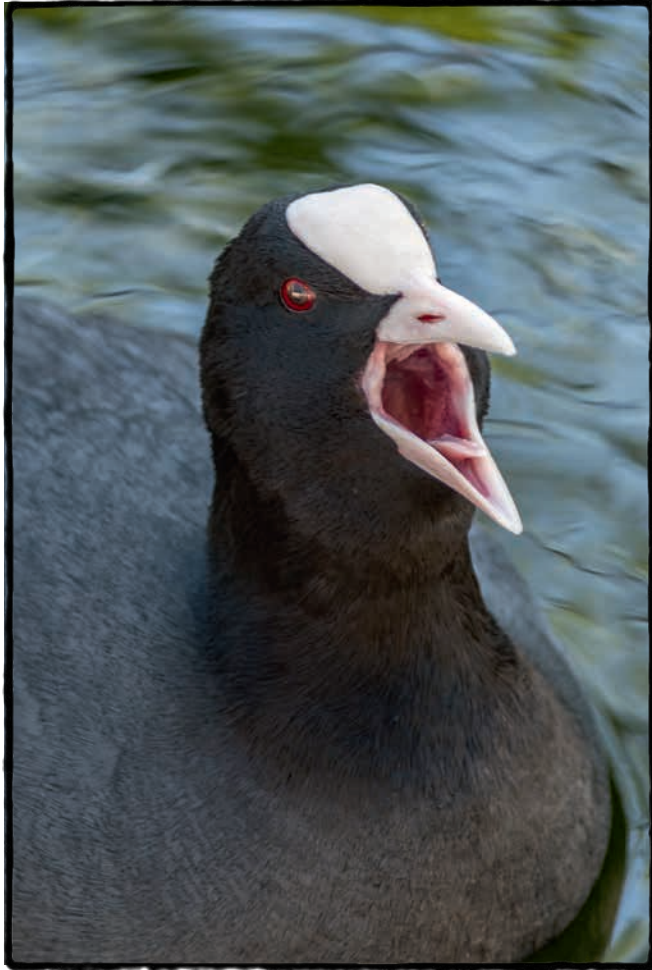












В прибрежных зарослях тростников все лето держатся лысухи, издали их легко определить по короткому светлому клюву и яркому белому пятну на лбу, за которое они и получили свое название. А стайки больших крохалей всю зиму проводят на незамерзающих полыньях залива. В отличие от растительноядных лысух крохали питаются рыбой, и их клювы вооружены специальными роговыми зубчиками, помогающими удерживать скользкую добычу.



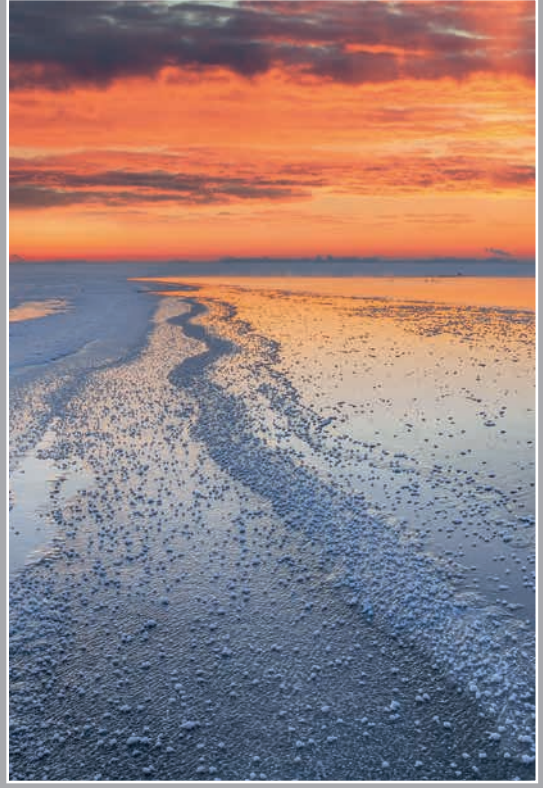
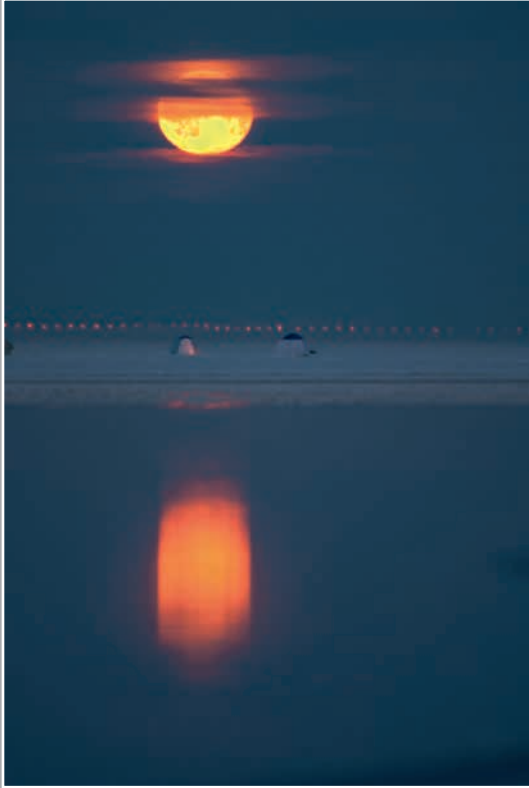




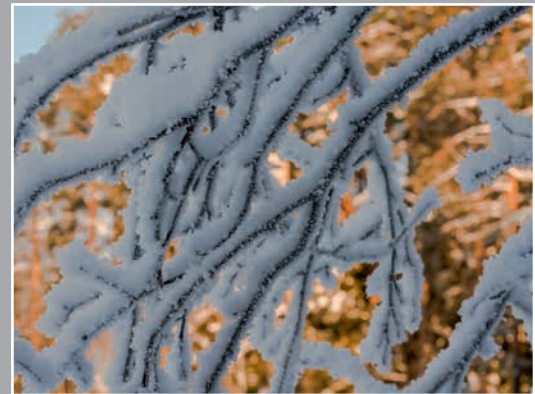
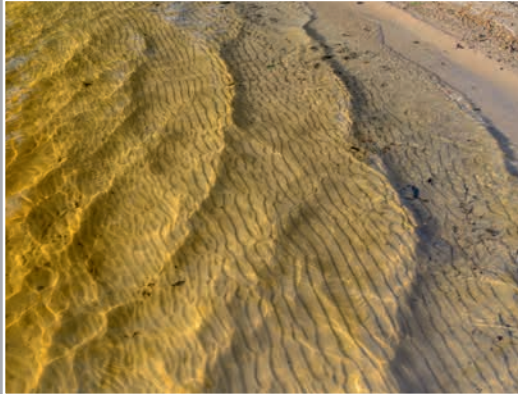








Государственный природный заказник «Озеро Щучье»

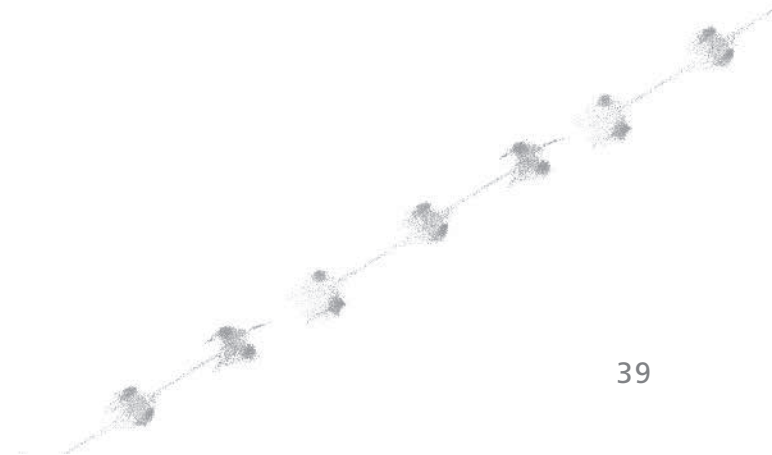


Если внимательно посмотреть на карту Петербурга к северу от воспетого в советском шлягере курорта Комарово, можно увидеть синюю кляксу Щучьего озера. Озеро — главная достопримечательность заказника, но его территория настолько разнообразна ландшафтами, что привлекает не только любителей купаться. Здесь есть и настоящие болота с колышавшейся под ногами сплавиной, сплошь покрытые куртинками хищной росянки, и еще несколько озер разной величины, и даже «горы» с домашними названиями Земляничная и Брусничная.

Сложно-расчлененный рельеф заказника — отпечаток так называемых флювио-гляциальных, иначе говоря, водно-ледниковых процессов, которые формировали лицо земной поверхности в этом месте тысячи лет назад. Тогда эту территорию накрывал щит ледника. Когда он начал таять, из-под толши льда потекли реки, но не просто реки, а гигантские подледниковые водные потоки, высохшие русла которых и оставили о себе память холмистым рельефом вокруг Щучьего озера. Так образовались «камы» (от нем. *der Kam* — гребень) — куполовидные беспорядочно

разбросанные холмы, типичный ландшафт заказника. Камовые холмы, поросшие сосновыми борами, исключительно красивы, некоторые песчаные гряды с крутыми склонами тянутся здесь на целые километры. Наиболее глубокие межкамовые котловины заполнились водами тающего ледника — так образовались озера заказника. Наиболее древние из них успели зарости и превратились в торфяные болота.

Самое крупное озеро заказника — Щучье — имеет длину более километра, а глубину всего около 2,5 метра. Мелководность водоема способствует его постепенному зарастанию травяно-сфагновой сплавиной. Второе по размерам озеро Дружинное (Чертово) находится в северо-западной части заказника. Оно занимает глубокую межкамовую котловину и со всех сторон окружено песчаными склонами высотой 15—20 метров. Над зеркалом озера нависают огромные сосны. В отличие от мелководного Щучьего озера, берега Дружинного крутые, местами почти отвесные, а само оно глубокое — до 11 м в центральной части, отчего и зарастание его почти не выражено.



В отличие от многих других природных комплексов в окрестностях Петербурга, внешний облик которых в существенной мере сформирован человеком, территория заказника «Озеро Шучье» подверглась антропогенным преобразованиям в наименьшей степени. В период шведского владения на территории нынешнего заказника находился принадлежавший королевской казне парк Haukijärvi (что и означает «Шучье озеро»). Леса в то время использовались в основном для охоты, что предотвратило их вырубку и использование в качестве сельскохозяйственных угодий. С 1811 года земли вошли в состав Выборгской губернии Великого княжества Финляндского. После открытия в 1870 году железной дороги Санкт-Петербург — Выборг — Риихимяки и сооружения платформы Келломяки (современное Комарово) территория к югу от озера стала раскупаться обеспеченными петербуржцами под строительство дач. От станции Келломяки к Шучьему озеру была проложена дорога (Озерная улица).

В 1939 году ввиду неизбежной войны с СССР через территорию была проведена оборонительная линия, и построены многочисленные фортификационные сооружения, следы которых сохраняются и поныне. Впрочем, две последовавшие войны практически не оставили своих рубцов на этой территории. Вокруг Шучьего озера сохранились самые старые не только в заказнике, но и, возможно, на всей территории Санкт-Петербурга, сфагновые ельники с деревьями возраста более 150 лет.









Приморское шоссе, трасса на Выборг, железная дорога, по которой проносятся скоростные поезда в Финляндию, близость большого курортного города Зеленогорска — место, в котором расположен заказник, казалось бы, не слишком уединенное. Тем не менее, когда попадаешь на берег Щучьего озера, тебя обволакивает какая-то удивительная, даже как будто не совсем естественная тишина. В ней органично существуют и далекий крик перелетающего с дерева на дерево где-то в глубине старого леса черного дятла — желны, и плач озерных чаек из небольшой колонии на болотце, и скрип старых деревьев, уже отживших свое. Звуки леса скорее подчеркивают эту тишину, чем вторгаются в нее. Это редкое место, где можно просто побродить среди вековых сосняков, послушать шум ветра в их кронах, посидеть на берегу озера, бросая в воду камушки. Подумать...





























В июне поднимаются из-под воды цветы кувшинки снежно-белой, которую в просторечье называют водяной лилией. С этим растением связано невероятное число легенд, историй, открытий, оно присутствует на многих картинах великих художников, особенно любил кувшинки Клод Моне. Цветы белой кувшинки всплывают на поверхность водоема ранним утром и распускаются, источая тонкий аромат. Бывает, что жуки, которые опыляют кувшинку, привлеченные ее запахом, остаются внутри цветка при его погружении с наступлением вечера обратно под воду.



Весной наслаждаться тишиной в окрестностях Щучьего и Дружинного озер вряд ли получится. Тут происходит массовый нерест лягушек — травяной и остромордой, а также серой жабы. И если последняя малозаметна, то самцы остромордой лягушки устраивают в этот период настоящее шоу. Во время размножения они окрашены в ярко-голубой наряд, образуют скопления в несколько десятков, а то и сотен особей, вокалирующих в мелководных или временных водоемах.

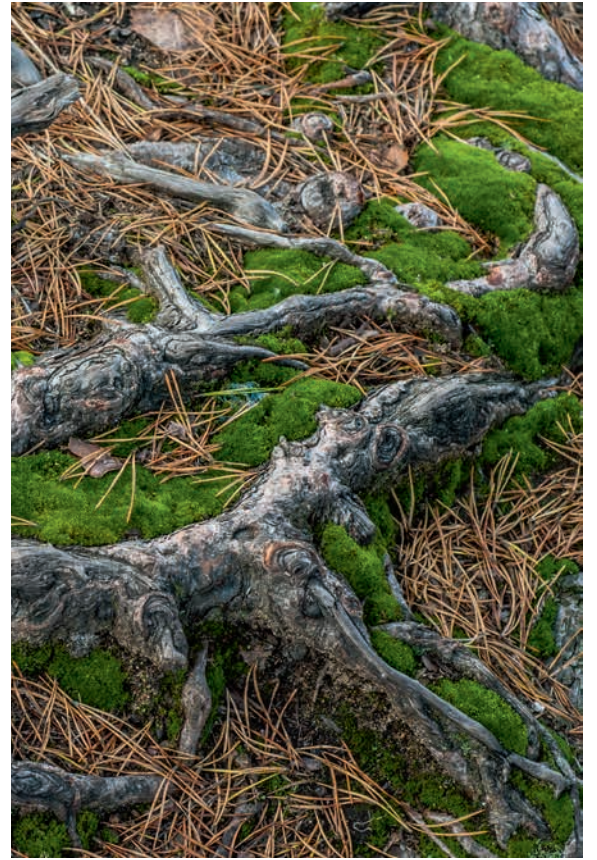
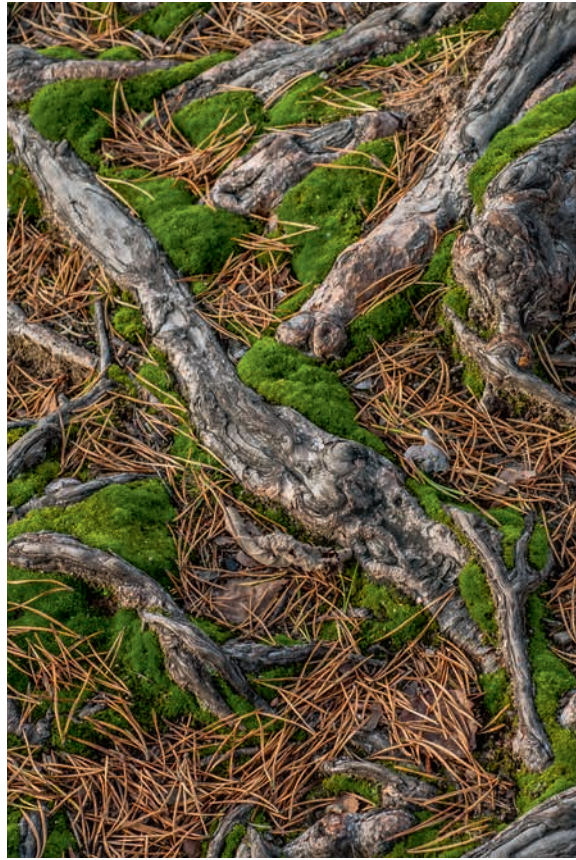






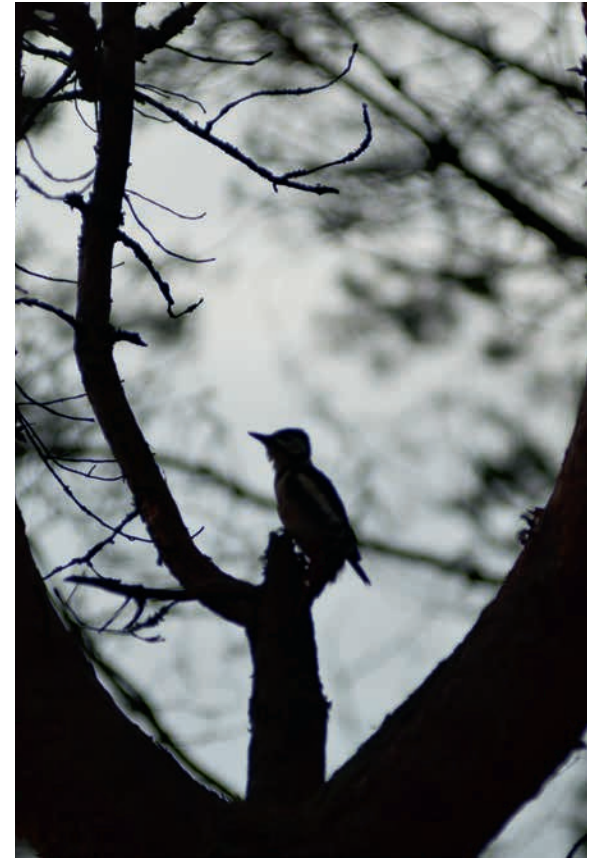












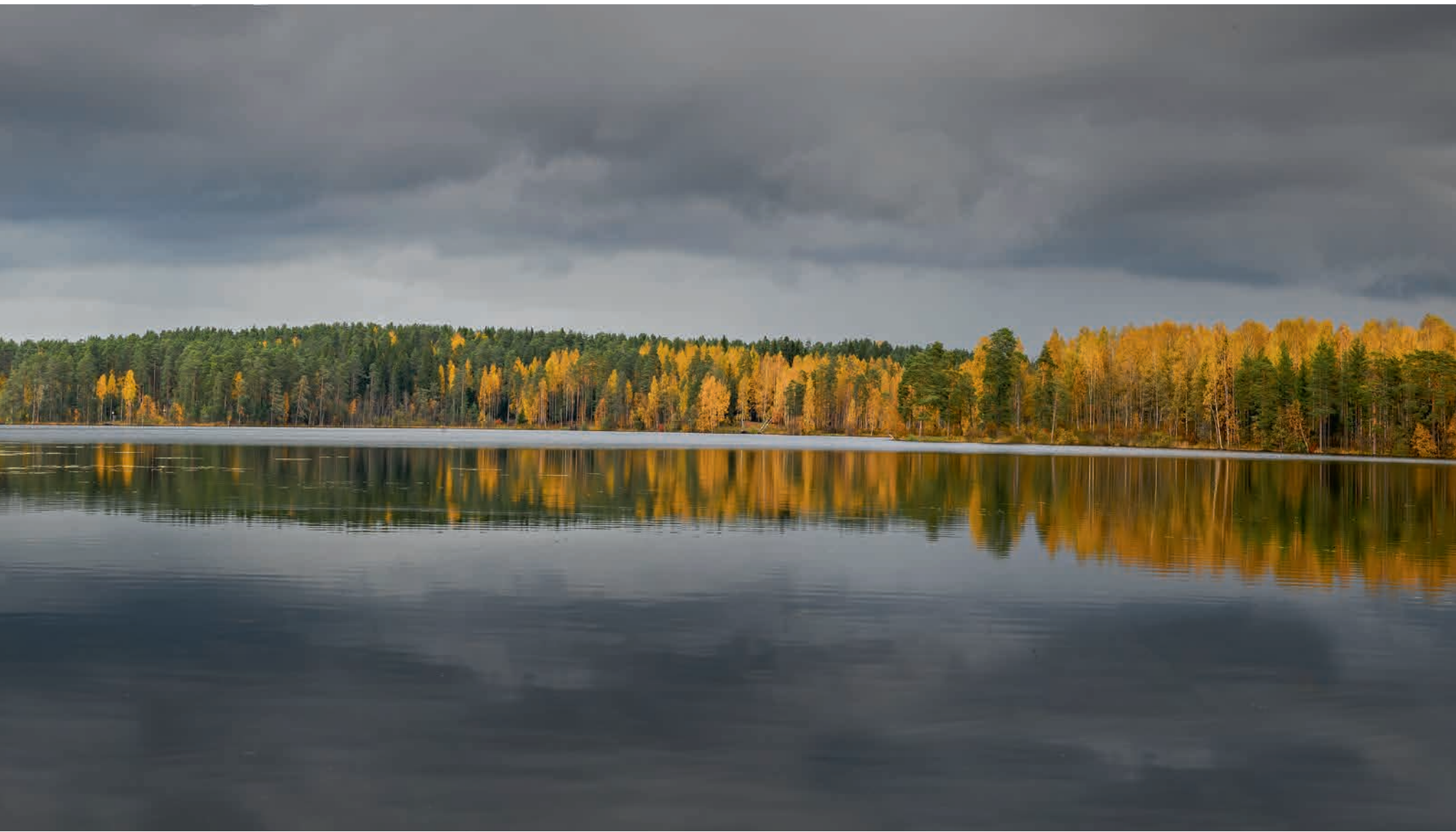








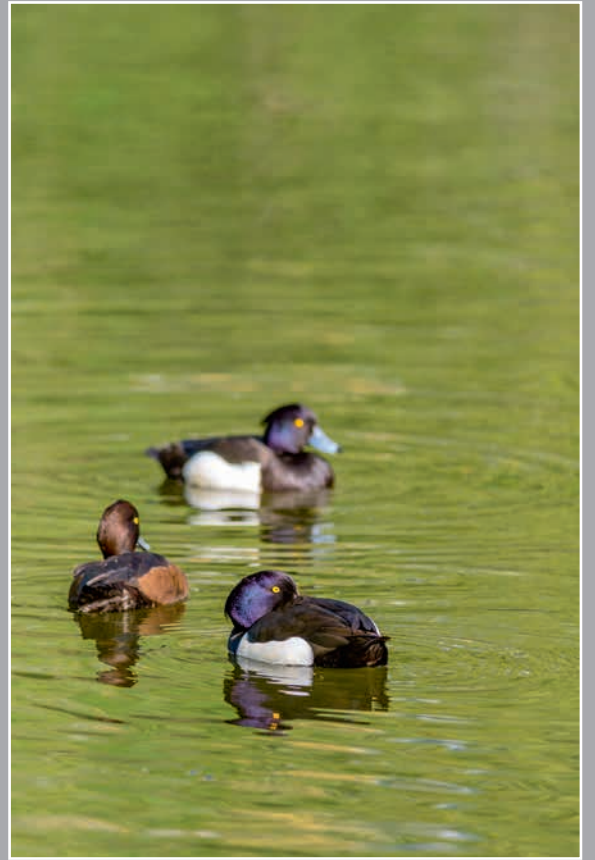












Государственный природный заказник «Сестрорецкое болото»



Из окна электрички, переезжающей по мосту реку Сестру, открывается панорама огромного болота, кое-где покрытого невысокими сосновыми гривами. Это болото (тогда употребляли слово «мох») упоминается уже в Ореховецком договоре 1323 года, который устанавливал границу между новгородскими и шведскими владениями. Текст договора описывает эту границу так: «...а розвод и межа: от моря река Сестрея, от Сестрее мох, середе мха гора...».

Река Сестра несла свои воды к Финскому заливу, и ее история ограничивалась лишь геологическими явлениями. Отступали или, наоборот, наступали древние моря, двигались ледники, поднималась суша, возникали морские дюны, остатки которых — песчаные острова-гривы, рассекающие, словно пальцы растопыренной руки, этот болотный массив по диагонали, — до сих пор формируют облик сестрорецкого ландшафта... Но вот геологическую историю принялся переписывать человек. Обратившись к топографическим картам середины XVIII века, мы обнаружим, что такого географического понятия, как Сестрорецкий Разлив, тогда вообще не существовало. Если быть совсем точным, Разлив образовался в 1721 году, когда на реке Сестре была построена плотина, выше которой образовалось водохранилище.

В начале XVIII века Россия почти беспрестанно вела войны, которые требовали все новых и новых вооружений. Собственной оружейной промышленности в России не было, а зависеть от поставок из Европы, затеявая войну за выход к Балтийскому морю, было опасно. Единственный завод в Туле был маломощен и далек от театра военных действий, так что строительство оружейного завода в окрестностях недавно возникшего Петербурга было только делом времени. Почему именно здесь, на Сестре? Главная причина: «дабы машины действием воды в движение приводились». Петр I, посещая

любимый дворец свой в Дубках, осматривал течение реки, а, «найдя изобилие вод и удобное положение берегов ея, назначил неподалёку от устья ея место для постройки оружейного завода». Так и возник Сестрорецкий Разлив: «Остановленная в течении своём, вода от двух рек, Сестры и Чёрной, по мере накопления выступала из берегов, разлилась и затопила прилегающую низменную местность, окаймлённую песчаными возвышенностями и горами». Разлив «получился» не сразу — чуть не полвека строители завода экспериментировали с плотинами, дамбами, даже подземными каналами, стремясь обуздать реку Сестру, с каждым весенним паводком смывавшую гидротехнические ухищрения инженеров.

«Межа» по реке Сестре в той или иной степени существовала всегда, даже когда княжество Финляндское входило в состав Российской империи. Революция 1917 года и последовавшее отделение Финляндии резко изменили жизнь по обе стороны реки Сестры — границы, ставшей практически непроницаемой. На левом, советском, берегу почти сразу началось возведение Карельского укрепрайона (КаУР) — строительство «линии Сталина». Еще и сейчас там, где проходила линия обороны, в оплывших, вновь заросших сосновым лесом окопах и обвалившихся землянках, на высотах песчаных грив, лежит проржавевшее, поросшее лишайниками и мхом, ушедшее в землю железо — пулеметный ствол, искореженная плита миномета, пробитые каски, россыпи позеленевших патронов — молчаливые свидетели двух жестоких войн.

Прошло уже почти 700 лет с момента установления первой официальной границы по реке Сестре и первого летописного упоминания о Сестрорецком болоте. Менялись границы и даже названия стран, но до сих пор существуют и тот «мох», и та «гора».

Территория заказника со всех сторон хорошо защищена: с восточной стороны — руслом реки Черной, с запада — рекой Сестрой, с юга — акваторией самого Разлива, с севера — сильно заболоченным и практически непроходимым болотом. Возможно, именно благодаря этой труднодоступности на Сестрорецком болоте продолжают жить, несмотря на очень близкое соседство с человеком, редкие, скрытные и остро реагирующие на беспокойство виды птиц. Здесь еще можно услышать печальный хриплый свист большого кроншнепа, беспокоящегося у своего гнезда, устроенного среди поросших шикшей кочек, или вспугнуть белую куропатку, неожиданно взлетающую прямо из-под ног. Даже тетерева устраивают здесь свое токовище.

Чем еще богато Сестрорецкое болото, так это растительностью — на территории заказника отмечено почти 500 видов сосудистых растений. Резкие границы различных местообитаний — луга и сфагнового болота, сосновой гривы и берега озера, старого карьера и сплавины — создают уникальное сочетание факторов, увеличивающих разнообразие условий для высших и низших растений.









Если от городского пляжа Сестроречка, оживленного Приморского шоссе, магазинов и ресторанов отойти всего на полкилометра, то можно попасть в самый настоящий птичий рай — столь многочисленно и разнообразно на Разливе птичье население. Конечно, это в первую очередь птицы, связанные с водой. Самые шумные и заметные — озерные и малые чайки, образующие здесь крупную, численностью почти в три тысячи особей, гнездовую колонию. Жители Сестроречка могут наблюдать все главные эпизоды в жизни чайячей колонии, просто прогуливаясь по набережной: прилет первых птиц, когда озеро еще покрыто льдом, образование гнездовых пар, ссоры между соседними насиживающими яйца птицами, выкармливание неуклюжих, покрытых серым рыхлым пухом птенцов и их первый полет.







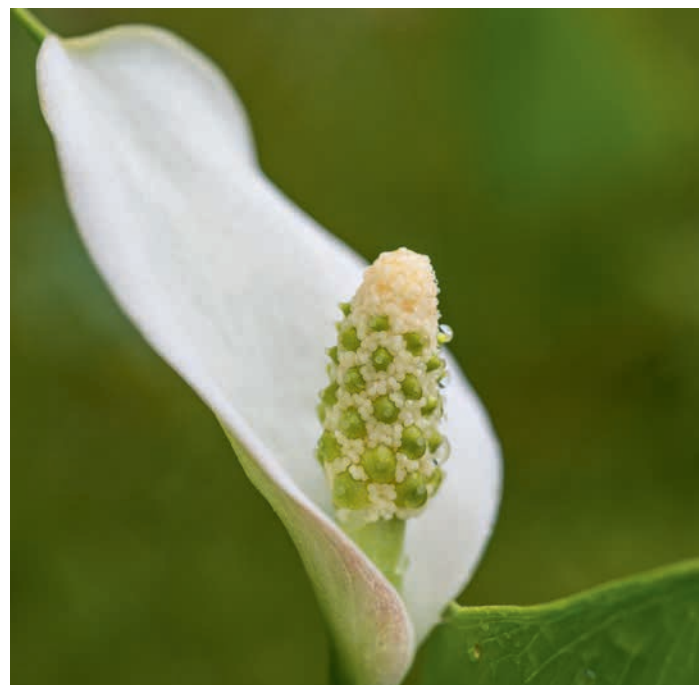












Сестрорецкое болото прекрасно весной, в момент цветения черемухи (ее соцветия даже изображены на гербе поселка Белоостров), сплошные заросли которой покрывают берега реки Сестры почти до самого устья. Болото прекрасно в начале лета, когда цветет пушица влагилишная, которую сменяет бледно-розовая изысканная кассандра. Прекрасно оно и поздней осенью, когда в замерших перед первым заморозком тихих водах озер безмолвно отражается кружево осенней листвы и посеребренных инеем болотных осок.



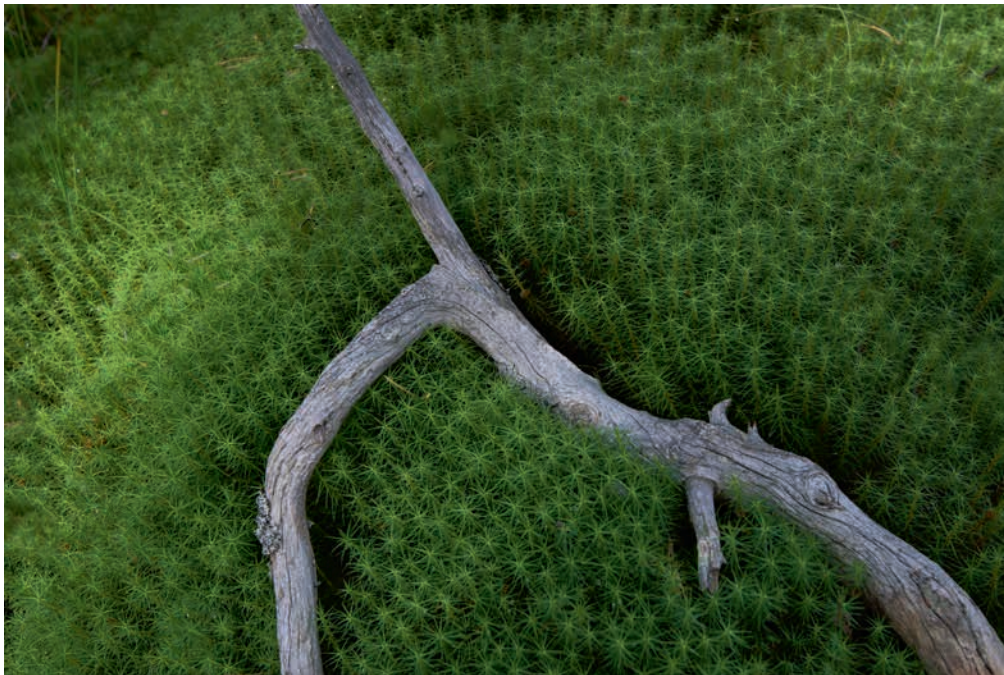
Красоту болотных растений надо уметь увидеть, она неприметна. Летом это изысканные бутоны кустарничков подбела, паруса белокрыльников и кружевные цветы вахты трехлистной. Осенью кочки украшаются россыпями клюквы. Яркий колорит придают болотному покрову сфагновые мхи с красными, желтыми, оранжевыми тонами — это не осеннее изменение окраски, а видовые признаки — в заказнике растет 35 видов сфагновых мхов и все отличаются оттенками цвета. Участки с красным сфагнумом особенно хороши весной и летом, зеленый мох сохраняет свой цвет и осенью, и под снежным покровом.





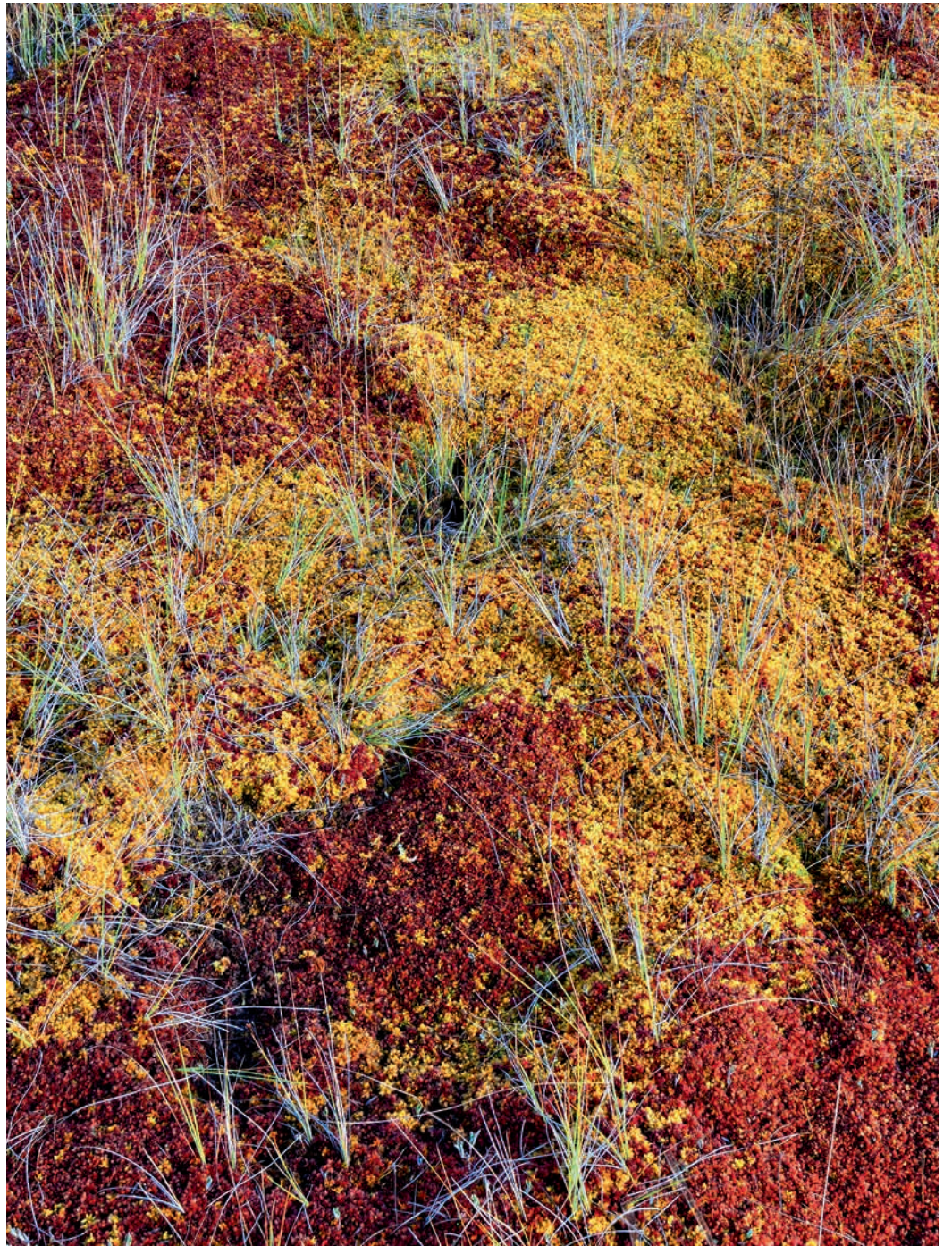
























Днем уже тепло, а ночью подмораживает, и лыжи не проваливаются в рыхлый, пропитанный влагой снег. Можно забраться в самые отдаленные уголки болота и проследить за его потаенной жизнью. Вот несколько неглубоких ямок — тут ночевали белые куропатки. Вот поляна, исчерченная в разных направлениях крупными непонятными следами, капельки крови, отдельные черные перышки, поднимаемые легким ветерком, — по утру здесь токовали тетерева. Вот строчка аккуратных следов, она проложена с одной гряды на другую и не минует отдельно стоящей посреди болота сосны, к ней собираются пунктиры других таких же следов — это у лисовинов начался гон. Вот скопление маленьких следов, видно, что их обладатель носился, суетясь, туда и сюда — это лесная мышь собирала на снегу вытаявшие семена злаков. А вот рыхлые комки белого пуха, зацепившиеся за кусты, — началось расселение семян рогоза, простоявших в своих соцветиях всю зиму и почуявших весну.











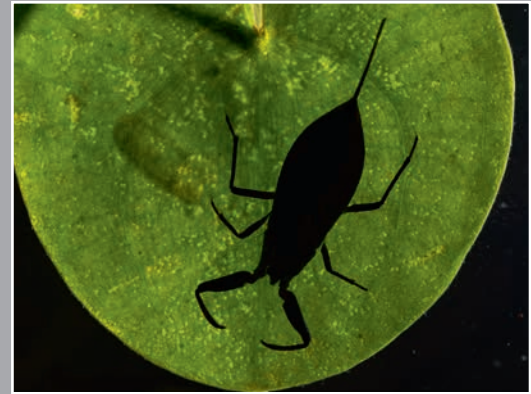




Хорошо прийти на болото на рассвете в морозный день марта или начала апреля, когда яркое солнце уже напоминает о приближении весны, а плотный снег еще кажется вечным. Краски неба, ожидающего рассвета, и яркий месяц вносят романтическую нотку в ожидание... У столь раннего визита есть определенная цель, и место выбрано не случайно — здесь можно услышать, а если повезет, и увидеть ток тетеревов, ставший большой редкостью не только в Петербурге, но и в Ленинградской области.



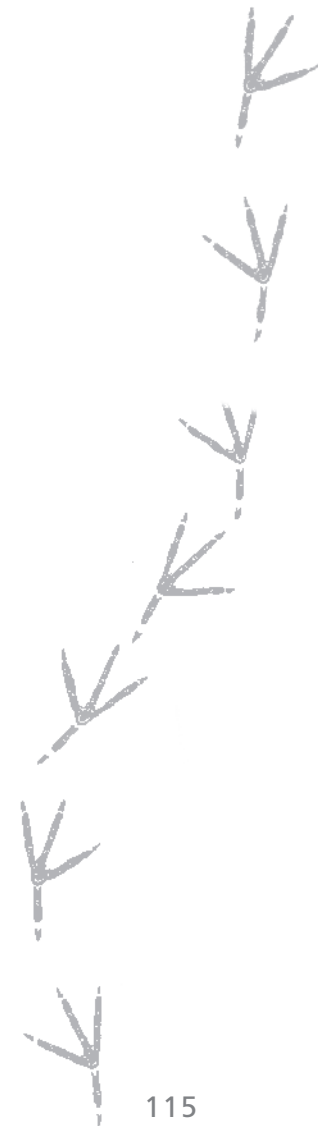
Памятник природы «Петровский пруд»



Как ни странно, главная достопримечательность памятника природы «Петровский пруд» находится далеко от него — в 17 километрах, на Исаакиевской площади. Это каменный постамент, на котором стоит памятник Петру I. Великое отражается в малом — насколько же велико значение личности и деяний Петра I для петербуржцев, что даже место, где в болотистом лесу тысячи лет пролежал камень для Медного всадника, ожидая, когда его коснется рука человеческая, объявлено памятником природы. Этот валун 13-метровой длины и 8-метровой высоты не сразу попал на это место, он путешествовал несколько тысяч лет. Одно из многочисленных оледенений отломило этот огромный фрагмент от коренной скальной породы и принесло сюда откуда-то из Скандинавии. Такие обломки, увлекаемые ледниками, называют блуждающими валунами. Затем то волны древнего Литоринового моря покрывали его, то соленые воды Балтики, отхлынув, засыпали его песком дюн, скрывая на многие годы от постороннего взгляда. Снова вмерзнув в ледниковый щит, медленно, может быть, новые тысячи лет, он двигался по лицу материка. Тогда не было еще ни Финского залива, ни Петербурга, ни реки Сестры, ни даже самой Невы... Наконец, при таянии последнего ледника, валун остановился. И пролежал, успокоясь, еще очень-очень много лет, постепенно погружаясь

в болотистую землю Невской низменности. Ожидая своего часа...

«Тут природа даровала готовое подножие к изваянному образу». Настал час камня! Но не сразу приступили к задуманному. По свидетельству современников, уже одно только «взирание на оный возбуждало удивление, а мысль перевезти его на другое место приводила в ужас. Со всем сомневались, подаст ли механика какие пособия, и в сем недоумении хотели уже распилить его. Единой Екатерины только сильная подпора... могла возбудить в сем случае дремлющую науку, сообщив ей новую изобретательную силу». Теперь уже не ледник своей природной силой, а люди повлекли Гром-камень. Глыбу весом целых 1600 тонн перетащили без машин и тягловых животных, с помощью простых приспособлений. 400 человек, 8 километров, 4 месяца — так путешествовал в столицу Гром-камень, самый большой монолит, какой когда-либо перемещали люди. Огромная платформа была изготовлена из толстых бревен, а с нижней ее стороны находились обитые медными листами деревянные желоба. Они покрывали такие же, уложенные на землю, переносные желоба-рельсы длиной около 90 метров, по которым во время движения перекачивались 30 больших бронзовых шаров. На этих «подшипниках» и покатали Гром-камень к берегу залива.



Когда зашла речь о создании памятника Петру I, возник и вопрос о соответствии достоинства постаamenta самому памятнику. По мысли «заказчика» памятника, зафиксированной в современном событию тексте коллежским асессором и библиотекарем Императорской Академии наук Иваном Бакмейстером, *«избранное подножие к изваянному образу российского героя должен быть дикий и неудобовосходимый камень, на котором представлен он скачущим на коне с распростертою правою рукою. Новая, дерзновенная и много выражающая мысль! Камень сей должен напоминать о тогдашнем состоянии державы»*. Такова была идея официальная. Мысль же народную выразил поэт, народом любимый, истолковав аллгорию Медного всадника по-своему. По мысли поэта, иерархия смыслов Медного всадника куда как сложнее: монумент Петру состоит из трех элементов — всадник, конь и стихия, в виде волны застывшая в граните. Кого «рукой железной» поднимает на дыбы всадник? Коня, не камень же! Получается, что укрощаемая дланью Петра Россия — это конь, вопреки мысли авторов памятника. Тогда что же камень, попираемый конем? Ответ находим в черновиках к «Медному всаднику»:

*Но волны Финские не раз
На грозный приступ шли, бунтуя,
И потрясали, негодуя,
Гранит подножия Петра!*

И далее:

*Красуйся, юный град! и стой,
Неколебимо как Россия.
Но побежденная стихия
Врагов доселе видит в нас.*

Выходит, по Пушкину, что враждебная стихия, укрощаемая Медным всадником и попираемая его конем, вовсе не «дикая» Россия, а «цивилизованная» Европа...









На месте, где лежал валун, остался котлован. Он зарастал, заполнялся талой водой, заселялся лягушками и рыбами. Сейчас, спустя 240 лет, это место представляет собой живописно заросший пруд с валом из вынутого грунта, в виде аккуратной подковы обрамляющим плес пруда. Обычный пруд, ничего особенного... Но так велик был тот человек, который стоит теперь в бронзе на Гром-камне, что даже место, откуда вынули камень для его постамента, решили сделать памятником.









Осень на Петровском пруду раскрашена в яркие цвета листьев берез, осин и ольхи. В подлеске блестят ярко-красные бусинки плодов ландыша. Капли дождя собираются на них, сверкают космическими сферами на коробочках кукушкина льна. По утрам стали частыми туманы — роса даже на лапках и крылышках стрекозы-стрелки, и кажется, что ей холодно летать. На опушке леса у края пруда слышится цыканье задержавшейся с отлетом в южные края зарянки — она сидит, покачиваясь, на макушке уже засохшего соцветия иван-чая. Опавшие листья начинают буреть, а пауки готовят паутинки к предзимним полетам. Кряквы задерживаются на пруду, пока его не сковал лед. Скоро протока, где летом гнездились эти утки, покроется льдом и снегом, иней посеребрит чудом сохранившийся хвощ и початок рогаза. Петровский пруд погружается в зиму.





























Памятник природы «Елагин остров»



При взгляде на аэроснимок Петербурга среди сплошной городской застройки в устье Невы хорошо заметен большой зеленый треугольник. Это Елагин остров, самый северный из островов устья Невы. С юга и востока через Среднюю Невку Елагин остров граничит с Каменным и Крестовским островами. На севере его омывает Большая Невка. На западе острова с узкого мыса — стрелки — глазю открывается простор Финского залива.

При сравнении старинных карт разного времени хорошо заметно, как изменялась конфигурация Елагина острова. Причина — его низменность и расположение в самом устье Невы, а следовательно, и многократные наводнения: с 1700 по 1878 годы он оказывался под водой 134 раза! Это с одной стороны, а с другой — рукотворная деятельность многочисленных состоятельных владельцев острова. Все пруды и каналы на нем — искусственные. Всего их девять — пять образуют северную систему и четыре — южную. По каналам можно долго путешествовать на лодках, переплывая из одного пруда в другой, — их общая длина около десяти километров при длине самого острова всего два километра.

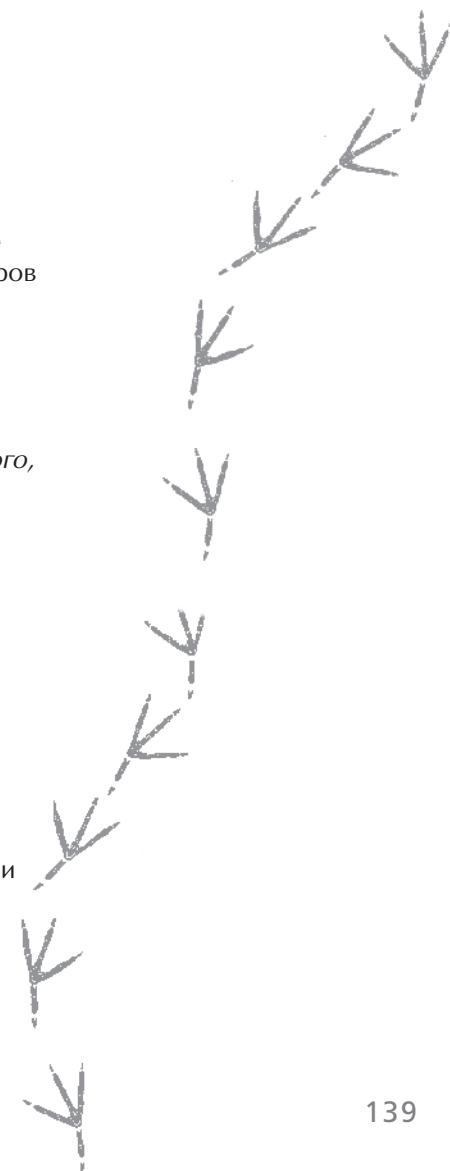
Елагин остров — один из ярких примеров удачного вмешательства человека в природные ландшафты. До прихода русских здесь были лишь сенокосы, при них несколько изб коренных жителей и заболоченный лес. В XVIII веке остров Мистула-саари, переименованный в Михайлин или Мишин (одна из городских легенд говорит о том, что отряд петровских солдат искал здесь шведов, а встретил медведя, отсюда и название), переходил из рук в руки видных «птенцов гнезда Петрова», пока не стал собственностью Ивана Перфильевича Елагина, который развил кипучую деятельность по

его благоустройству. По указанию Елагина было выкопано несколько прудов и каналов, которые позволяли сбрасывать воду при наводнениях. Вынутым при копке грунтом был насыпан двухметровый береговой вал, построена набережная из камня. В результате и площадь, и конфигурация острова заметно изменились.

Ко времени Елагина относятся также строительство усадебного дома и закладка парка с регулярной и пейзажной частью, с центральной аллеей, и в наше время словно стрела пронизывающей остров с востока на запад. Именно при И. П. Елагине, прославившемся своим гостеприимством и хлебосольством, доступ на остров стал публичным.

«По гостеприимству знаменитого хозяина весёлого острова можно почесть оный публичным садом, поелику всем хорошо одетым людям не воспрещается гулять во всё летнее время. Кроме того, всех приезжающих на прогулку, даже в отсутствие хозяина, дворецкий принимал и угошал, смотря по времени, обедом или ужином».

Следующую страницу в истории освоения острова открыл Александр I, когда подарил его своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне. Здесь была устроена ее летняя резиденция, построен не просто дворец, а целый архитектурный ансамбль с оранжереями, домиками для прислуги, кухонным и конюшенным корпусами, павильонами. В парках высадили тысячи деревьев, в том числе экзотических — амурский бархат, маньчжурский орех, красный дуб, клены пенсильванский и сахаристый, есть посадки нескольких видов лиственниц и елей, сибирской пихты и сосны.



Над созданием дворцово-паркового ансамбля трудился знаменитый Карл Иванович Росси. Его стараниями *«остров, с огромным трудом вырванный из болотистой петербургской почвы, был превращен в Isola Bella русского севера — «прекрасный остров»*, а парк на нем — в один из красивейших парков Европы. Росси сосредоточился на создании на острове разнообразных «природных картин», формировании безупречной зрелищности парковых пространств и пейзажей, которые подчеркивали бы величие и мощь северной петербургской природы. Создатели парка учитывали даже моменты изменения деревьев в период роста и вегетации, они заказывали деревья одной породы, но разного возраста, разной толщины и высоты. Вдоль всего побережья высаживались аллеи из сибирских лиственниц и дубов. Композиции строились на сочетании водной поверхности и различных декоративных групп растений, искусной компоновки различных пород деревьев и кустарников, связи их с характером рельефа. В результате им удалось «построить пейзаж», обладающий большой художественной и эстетической выразительностью.









Место выхода парка на взморье в середине XIX века имело совершенно иной вид — эта часть острова представляла собой длинный, постоянно затопляемый мыс с чахлой растительностью, баней и кузницей. Было решено связать его с островом, находившимся чуть севернее. Протоку между мысом и островом расширяют, насыпают искусственные перемычки, придают ей вид пруда с извилистыми берегами. В результате Елагин остров получил совершенно новые очертания, площадь его увеличилась, а парковые ландшафты обогатились панорамой морских просторов. Новая часть острова стала называться Западной стрелкой. Вскоре сложилась и новая традиция: *«Ранней весной, как только Нева и взморье очистятся от льда, здесь также большое движение, ибо питерцы ездят на Елагин остров, «на пуан» — смотреть закат солнца»,* — писал С. Ф. Светлов в путеводителе «Петербургская жизнь в конце XIX столетия».

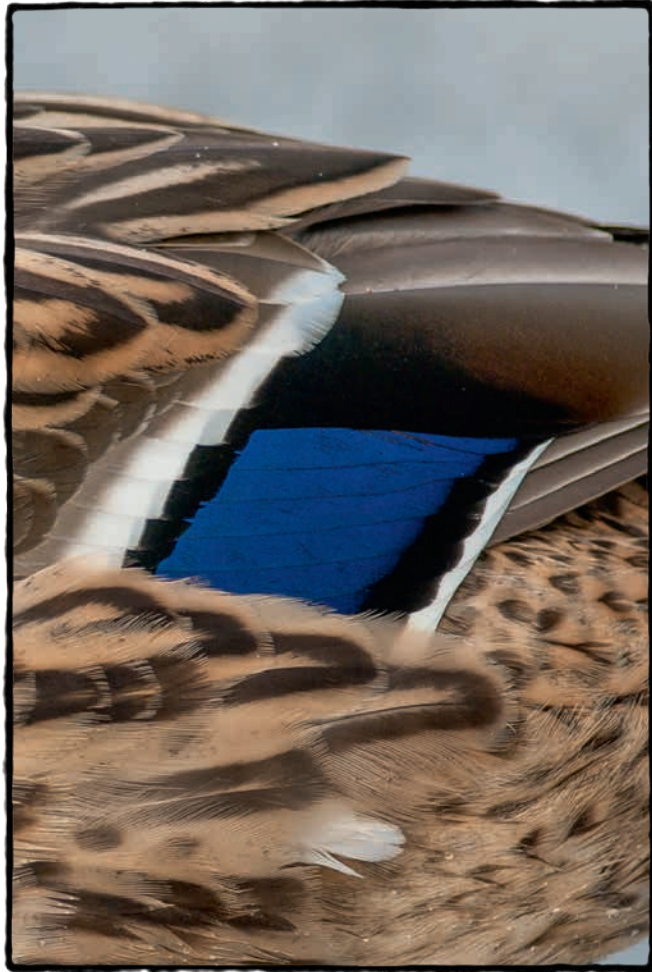
Посетителей парка может удивить отсутствие в архитектурном комплексе дворцовой усадьбы здания церкви, столь ожидаемого для владений набожной Марии Федоровны. Она устроена на третьем этаже дворца под куполом.















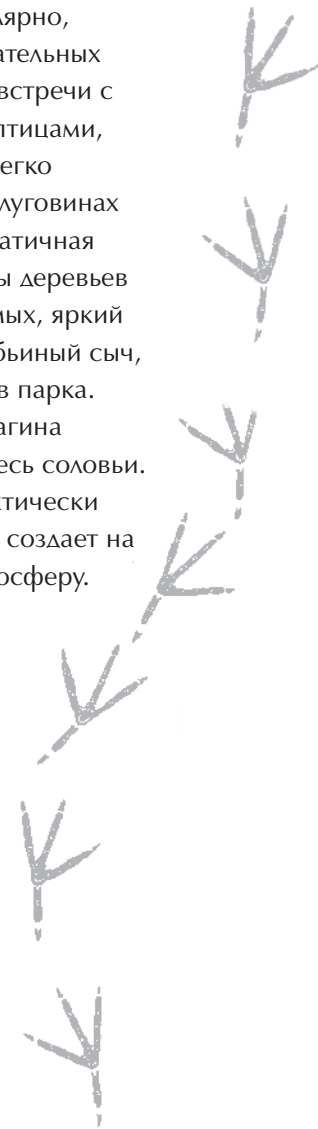








Но не только архитектура и пейзажи могут привлечь на Елагин остров городского жителя. Сколько обыкновенный горожанин может назвать видов птиц, обитающих с ним бок о бок? Пять? Десять? Вряд ли больше. А на Елагином острове орнитологи насчитали 144 вида птиц! Для такого огромного города, как Санкт-Петербург, это действительно много. Конечно, большую часть редких видов может увидеть только специалист, часть из них встречается, хотя и регулярно, лишь на пролете. Тем не менее, внимательных посетителей парка могут порадовать встречи с такими необычными для мегаполиса птицами, как ворон и серая неясыть, которую легко наблюдать охотящейся в сумерках на луговинах острова, маленькая, как мышка, симпатичная пищуха, деловито обследующая стволы деревьев в поисках коконов и личинок насекомых, яркий зеленый дятел и даже скрытный воробьиный сыч, гнездящийся в дуплах старых деревьев парка. Настоящим звуковым украшением Елагина острова являются многочисленные здесь соловьи. В мае их пение не прекращается практически ни на минуту и в период белых ночей создает на острове совершенно уникальную атмосферу.

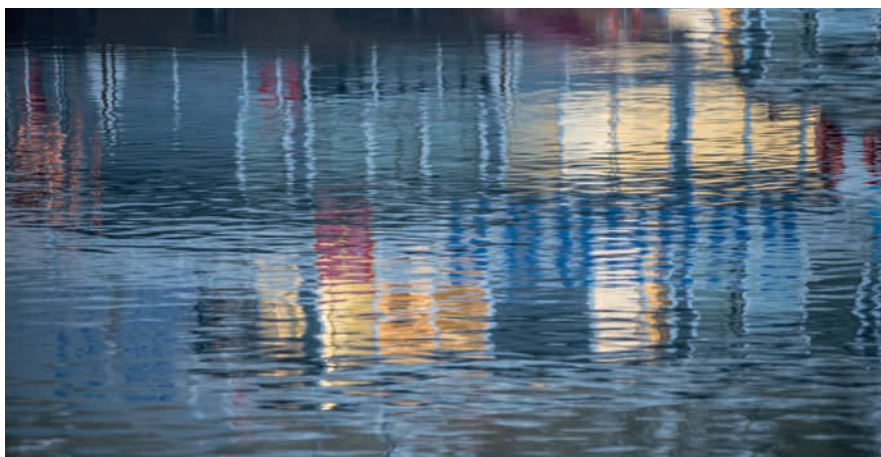






В конце XIX века остров превращается в одно из любимейших мест прогулок и развлечений петербуржцев. Елагинские гулянья и фейерверки привлекают огромное по тем временам число жителей. Это и неудивительно, так как многочисленные водные поверхности, острова на прудах, окружающие его со всех сторон рукава Невы, пышная зелень садов и парков служили прекрасными естественными декорациями для устройства эффектных светопредставлений и зрелищ для публики.

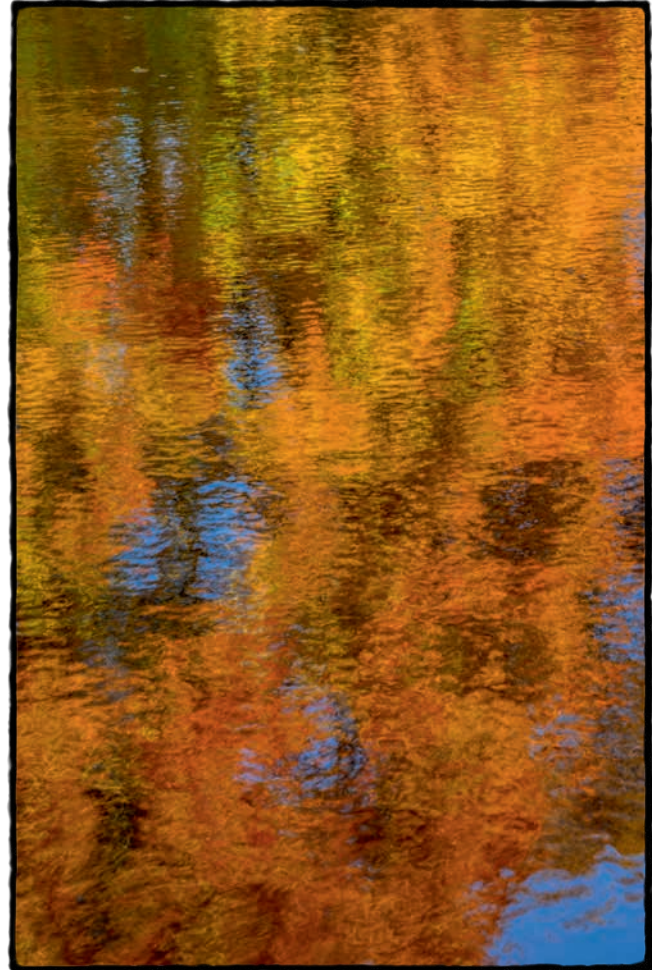
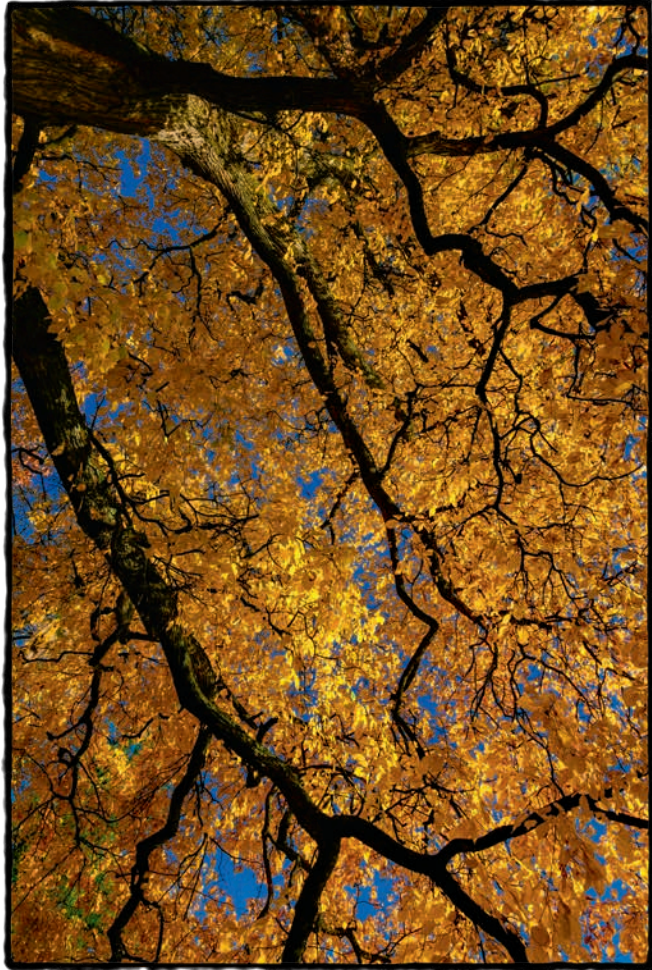




Пруды летом зовут на лодочные прогулки, осенью завораживают глаз яркой палитрой красок. В прохладные дождливые дни в парке мало посетителей, и можно приглядеться к деталям. Ветер срывает начавшие желтеть листья, усыпая их ворохами поверхность прудов, капли дождя падают на сложенные до следующего сезона лодки... Но впереди еще главное чудо осени: пронзительно яркие, холодные солнечные дни, когда очередная непогода еще не успела обнажить деревья, и они склоняются над прудами в своих роскошных нарядах.













После 1917 года Елагин остров и все его постройки перешли в государственную собственность. В 1932 году на острове был открыт Центральный парк культуры и отдыха, ставший самым массовым местом отдыха ленинградцев. Судьба дворцово-паркового ансамбля сложилась непросто, что видно еще и сейчас по тем ранам, которые нанесла ему революция, плановое хозяйство, война... Однако в течение 1980—1990-х годов в парке велись работы по воссозданию его в историческом виде, и ныне он, как и 100 лет назад, радует петербуржцев своими прекрасными ландшафтами.







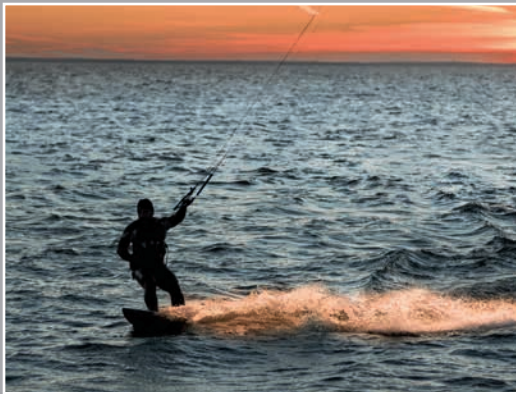








Государственный природный заказник «Западный Котлин»





На географической карте очертания острова Котлин напоминают изогнутую спину кита, который готовится совершить нырок в глубины моря. «Хвост» этого воображаемого гиганта и есть территория заказника. Он занимает западную, узкую и самую низменную часть острова, высота которой не превышает двух метров над уровнем моря. Ландшафт этой части острова очень характерен: с севера и юга береговые валы, в центре — заболоченное понижение. Интересно, что тут непрестанно идет борьба между морем и сушей — береговые валы активно формируются, наступают вглубь острова, засыпая песком лес и болота во время сильных штормов.

Естественные ландшафты западного Котлина практически не сохранились. Леса были сплошь вырублены и пошли на строительство военных оборонительных сооружений. Береговая линия сильно изменилась при возведении укреплений и фортов. По срединной части острова были проложены железная и параллельная ей шоссейная дороги, поперек острова прорыт крепостной ров, сделаны высокие насыпи укреплений военного назначения. Благодаря этому в несколько раз повысились абсолютные высотные отметки острова — сейчас его можно обозревать почти с 12-метровой высоты, забравшись на вершину насыпи форта «Шанц» или на башню артобсерватории

форта «Риф». Однако и теперь при повышении уровня воды в Финском заливе вся территория заказника, кроме самых высоких искусственных сооружений и насыпей, оказывается затопленной.

Земляные, бетонно-земляные, железобетонные строения занимают значительную площадь заказника. На этих сооружениях сформировались очень специфические природные комплексы, которые не встречаются в естественном состоянии. Территория западного Котлина, пожалуй, более всего интересна этим необычным сочетанием естественных и искусственных ландшафтов, взаимопроникновением природы и брошенных человеком циклопических сооружений. В трещинах и углублениях бетонных плит растут и обильно спороносят редкие для города виды мхов, в недоступных солнечному свету помещениях казематов проводят дневное время и остаются на зимовку летучие мыши, земляные валы укреплений зарастают луговой растительностью, поверхности бетонных стен осваиваются многочисленными лишайниками (их здесь 154 вида!), ярко-желтые по осени ковры шиповника морщинистого покрывают цоколи, траверсы, валганги и банкетты фортов... Здесь творения рук человеческих находятся в том состоянии, когда уже не он покоряет природу, а природа поглощает то, что не ею создано.

Море, ветер, крики чаек, шум волн... Такие впечатления захватывают душу, когда попадаешь на западный Котлин. Но если удастся пробраться на его самую западную оконечность, откуда с бетонных стен форта открывается потрясающая панорама Финского залива и вид на Толбухин маяк, к этим впечатлениям добавляется еще одно — свобода и бескрайний простор! Тянутся над мелководьем залива многочисленные стаи куликов, многие из них останавливаются на кормежку в маленьких бухточках западного Котлина. Если прихватить с собой бинокль, то в отдельные дни в конце лета можно увидеть более десятка разных видов этой группы: стайки фифи, чернозобиков, турухтанов, больших улитов, зуйков, перевозчиков, травников и других, более редких арктических видов. На камнях, которые обнажаются во время отлива между западной оконечностью острова и Толбухиным маяком, при удаче можно разглядеть лежащих на камнях серых тюленей.









Осенью хорошо бродить по песчаным пляжам, срывая крупные зрелые ягоды шиповника, яркими коврами закрывающего бетонные стены форта «Риф», и наблюдать за кайтерами, ловящими ветер на волнах залива. Зимой главные посетители этих мест — рыбаки, которые пробираются через торосы в заливе поближе к фарватеру — там, на глубине, ловится корюшка.

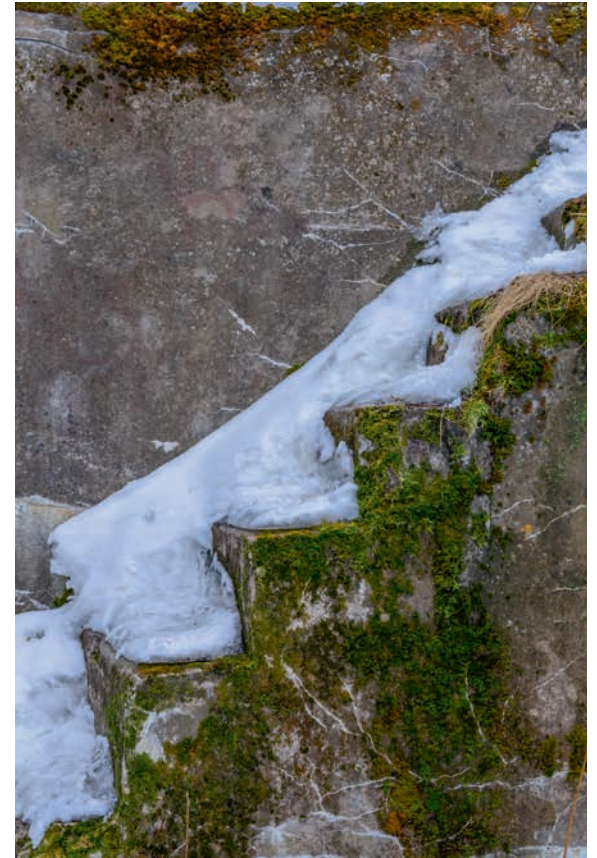
Но лучше всего здесь весной. В эту пору мало кто заглядывает в заказник и в одинокой величественной тишине тут совершается таинство пробуждения новой жизни. Главный ее признак — появление многочисленного пернатого населения. В тумане, нередко скрывающем очертания берегов острова, слышны трубные крики лебедей, кормящихся на мелководьях, шумная возня чаек, ссорящихся на льдинах в заливе, гогот пролетающих стай гусей, шлепки по воде взлетающих лысух, редкие крики низко летящих гагар, свист пролетных стай кроншнепов. Лед в заливе постепенно исчезает, оставляя на песчаном берегу причудливые по форме и цвету ледяные изделия. Несколько часов — и от них тоже не останется и следа...























Обнаженные корни деревьев на пляже острова — это результат эрозии, процесса разрушения береговой линии под воздействием волн. Разрушение берегов сопровождается перемещением окружающих побережье песчаных валов в глубь острова: море наступает. Но на других участках идет противоположный процесс — аккумуляции песка и ила. На месте морского дна образуются дюны, начинается первичное зарастание и формирование почвы. На песках появляются пионеры растительности — псаммофиты, потом деревья — ива пятитычинковая, осина, черная ольха и рябина. Частью процесса аккумуляции является разрастание в сторону моря зарослей тростника и камыша. Активное развитие береговых процессов буквально на глазах меняет облик ландшафтов заказника.



Стратегическое положение острова обусловило решительное вмешательство человека в его ландшафт. Еще в XVI веке тут проходила граница между Россией (восточная часть острова) и Швецией (западная его часть). В 1704 году, после окончания Северной войны, вся территория Котлина отошла к России, и здесь сразу началось военное строительство. Через два года была построена первая крепость «Святой Александр».



Следующим этапом «милитаризации» западного Котлина стало переоборудование оборонительных сооружений в бетонные, которое началось в 1890-х годах. На западной оконечности острова возвели казематы-мишени, они служили для испытания артиллерийским огнем различных типов укреплений. Затем на месте испытательного полигона был построен форт «Риф», который завершил систему обороны Котлина с запада.



В 1930 году вооружение форта было демонтировано, здесь был создан командный пункт штаба Балтийского флота, проложена железнодорожная ветка от Кронштадта. В годы Великой Отечественной войны по ней курсировал «бронепоезд» — паровоз и несколько платформ, на которых были установлены два 180-миллиметровых орудия и несколько зениток. Он поддерживал своим огнем защитников Ораниенбаумского пяточка, помог им выстоять, не позволил немцам выйти на расстояние прямого выстрела по Кронштадту.

Что поражает, когда впервые знакомишься с фортом, — это его мощь! Мощь и удивительная сохранность — более века прошло с закладки железобетонных конструкций, а поверхности укреплений практически не подверглись разрушению временем. Надежно строили наши предки. Какой волей и ответственностью за страну, за ее безопасность надо было обладать, чтобы возвести такое грандиозное сооружение там, где строительство крепостей, казалось бы, просто технически невозможно!

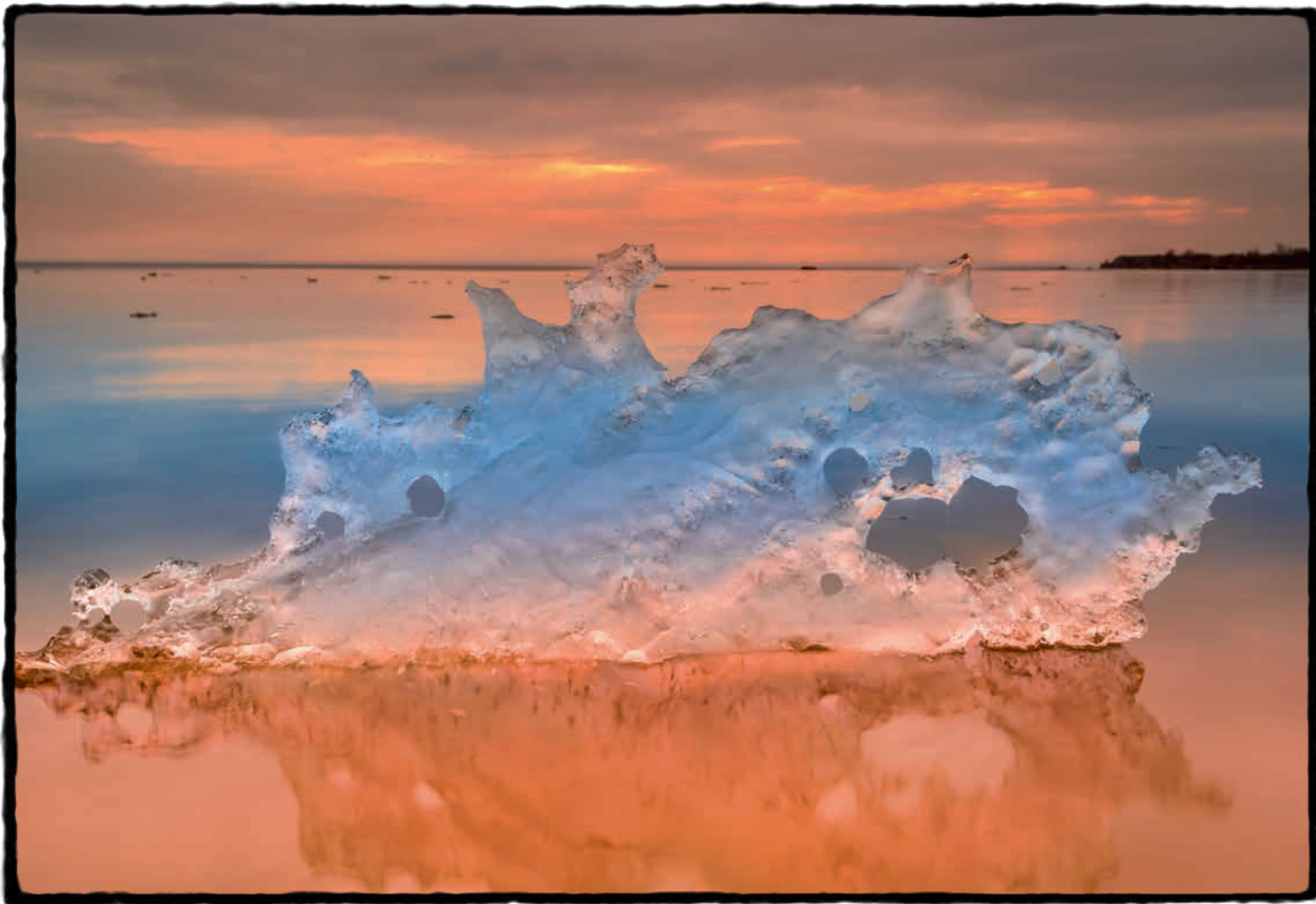
































ЭПИЛОГ

Уникальные уголки природы Санкт-Петербурга привлекательны своей красотой, историей и многими тайнами, которые мы открываем лично для себя, осознавая свое место и роль в круговороте жизни. В этом издании мы лишь попытались приоткрыть этот замечательный мир, передать свои собственные впечатления от созерцания заповедной природы.

И в творчестве, и в жизни мы учимся, используя опыт других людей, проходим очередные жизненные этапы и совершаем значимые шаги. В течение жизни мир, который осваивает человек, постепенно расширяется. Научившись ходить и произносить первые слова, ребенок сначала хочет услышать названия окружающих его предметов, а потом узнать их устройство и назначение. Счастливы те, кто продолжает исследовать наш замечательный мир, не переставая ему удивляться, сохраняя при этом свежесть любознательного детского взгляда. Это бесценный дар. Мы интересуемся историей памятников культуры и, заглядывая в прошлое, учимся строить будущее, свое и своих детей. Мы листаем великую книгу природы и стремимся достичь гармонии с ней, чтобы наши города, их сады и парки цвели, птицы продолжали свои великие маршруты, а животные и растения радовали нас и последующие поколения.

ОБ АВТОРЕ

Книга, которую вы держите в руках, была бы неполной без слов самой искренней благодарности ее автору — профессиональному фотографу и орнитологу Александру Ладыгину. Быть летописцем заповедной природы — редкое и непростое ремесло. Это не только долгие часы, проведенные в лесу в ожидании тех самых, нужных красок рассвета, или быстрая реакция на поднявшуюся с воды стаю лебедей. Это, прежде всего, умение понимать и чувствовать природу, потребность приобщать других к ее чудесам, способность взглянуть на знакомые вещи под новым углом и увидеть скрытую их красоту.

В его объективе побывали самые дикие и удивительные заповедные места нашей страны. Благодаря прекрасным фотографиям Александра Ладыгина вышли в свет альбомы «Камчатка. Мир дикой природы», «Кроноцкий заповедник», «Командорские острова». Его первое знакомство с природой Петербурга в начале 2000-х годов ознаменовалось выходом в свет книги «Заповедная природа Санкт-Петербурга» — первого тома фотолетописи особо охраняемых природных территорий нашего города. Северная петербургская природа небогата, а потому скромна и раскрывается не каждому, но Александру, похоже, удалось расположить ее к себе.



ОТ АВТОРА

В год, когда выходит эта книга, мне исполняется пятьдесят лет. Юбилей нужен только затем, чтобы человек остановился на мгновение и, осмотревшись в круговерти дел, взглянул на свою жизнь со стороны и сверился, тем ли курсом он движется. Но как узнать, верен ли курс? Может быть, задавая себе вопрос, прожил бы ты тот или иной эпизод еще раз, если бы была такая возможность? Стоило ли оно того? Испытываешь ли ты благодарность за это?

Работу над этой книгой я бы повторил, и очень благодарен тем, кто участвовал в ней вместе со мной. В эту работу было вовлечено много разных людей: сотрудники Дирекции особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга и даже члены их семей, водители внедорожников, пилоты вертолета, друзья-фотографы... Вместе мы вставали в три часа утра, чтобы успеть на тетеревиный ток на Сестрорецком болоте, вместе вытаскивали автомобиль из весеннего снега на Щучьем озере, вместе ставили в штормовой ветер палатку на острове Котлин, вместе мокли под проливным дождем в плавнях северного берега Невской

губы, чтобы увидеть радугу над Петровскими дубами... Вместе мы горячо обсуждали, какой именно из тысяч отснятых кадров достоин включения в книгу. Вместе придумывали, какой она будет. А ведь была еще и та, которая двигала весь этот сложный процесс, чье чувство прекрасного и организаторский дар вдохнули в книгу жизнь... Все это теперь уже стало незабываемыми воспоминаниями, за которые я благодарен всем им.

Но главным автором этого альбома является сама дикая природа. Не фотограф расцвечивает фантастическими красками небо, создает облака причудливой формы, покрывает болота ковром цветов, собирает тысячные стаи птиц... Все это явления, от человека мало зависящие. Дело фотографа дикой природы — просто оказаться в нужное время и в нужном месте, быть внимательным и хотя бы немного отзывчивым наблюдателем. Надеюсь, это хоть в какой-то степени удалось.

А. Ладыгин

УДК 502.4(470.23-25)(084)
ББК 20.18(2-2Санкт-Петербург)я6
Л15

Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности
ГКУ «Дирекция особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга»

Л15 Ладыгин, Александр Владимирович.

Заповедная природа Санкт-Петербурга : [фотоальбом] / Ладыгин А.В. ; Ком. по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экол. безопасности, ГКУ «Дирекция особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга». : Санкт-Петербург : Любавич, 2015, 208 с.

Альбом авторских фотографий особо охраняемых природных территорий, образованных в Санкт-Петербурге в 2009—2012 годах. Книга продолжает одноименное издание, вышедшее в свет в 2004 году. Адресована широкому кругу читателей.

Редакционная коллегия выражает благодарность Э. Николаеву (с. 58) и А. Тюлину (с. 112) за предоставленные фотографии, а также Н. В. Бабич за участие в подготовке текста книги.

Альбом
ЗАПОВЕДНАЯ ПРИРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Фотосъемка: А. В. Ладыгин.
Автор текста: А. В. Ладыгин.
Редакционная коллегия: Т. В. Ковалева, Е. В. Ковтун.
Верстка: С. А. Антипов.

Подписано в печать с оригинал-макета 22.09.2015.
Формат 270х220. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.
Тираж 720 экз. Заказ № 2143.

Отпечатано в типографии «Любавич».
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».
Тел.: + 7 (812) 603-25-25

ISBN 978-5-86983-669-4

© ГКУ «Дирекция особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга», 2015
© Ладыгин А. В., 2015
© Издательство «Любавич», 2015